

Пермско-иранские языковые контакты по данным фонетики и морфологии удмуртского и коми языков

В статье рассматриваются некоторые результаты иранского языкового воздействия на языки пермской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи — удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого. В отличие от работ исследователей давнего и недавнего прошлого, упор в статье сделан не на лексическом фонде данных языков, а на их фонетических и морфологических системах.

Ключевые слова: иранские языки; скифский язык; осетинский язык; финно-угорские языки; пермские языки; удмуртский язык; коми-зырянский язык; коми-пермяцкий язык; фонетика; морфология; историческое языкознание; этническая история.

Среди древних внешних культурных и языковых контактов финно-угров Восточной Европы и Западной Сибири, которые в значительной мере определили ход их этнической истории в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э., особое место занимают контакты со степным ираноязычным населением. Лексико-статистические данные свидетельствуют, что, наряду с правенгерским и, вероятно, предками поволжских финно-угорских (мордовских и марийского) языков, наиболее сильное иранское влияние в эту эпоху испытал пермский праязык — предок современных удмуртского и коми языков (см. напр. Напольских 2015: 53). Тема пермско-иранских языковых контактов уже давно и довольно обстоятельно изучается лингвистами. Достаточно упомянуть хотя бы соответствующие разделы уже ставших классическими трудов А.Йоки и К.Редеи, а также пространную статью В. И. Лыткина, специально посвящённую языковым контактам иранцев с древними пермянами (Joki 1973; Rédei 1986; Лыткин 1975).

Нельзя не заметить, что в названных работах, а также в прочих сочинениях, посвящённых в той или иной мере пермско-иранским языковым контактам, затрагивалась почти исключительно только одна сторона этого взаимодействия — лексические заимствования. По моему мнению, поиск результатов иранско-пермских контактов в других языковых сферах, в частности в области фонетики и морфологии, выглядит вполне перспективно, учитывая тот довольно значительный след, какой оставили эти контакты в словарном фонде пермских языков. Особенно перспективным мне представляется поиск подобных следов с привлечением данных и материалов восточноиранских языков сармато-аланского круга и их прямого потомка — осетинского языка, тем более что самые поздние лексические иранизмы пермских языков имеют специфически древнеосетинский облик (Напольских 2015: 139). Именно поэтому основное внимание в статье будет уделено взаимодействию пермских языков именно с этой частью иранских языков.

Следующий ниже текст представляет собой попытку выявить и предложить вниманию читателя возможные следы иранского (прежде всего, алано-осетинского) влияния в фонетических и морфологических системах удмуртского и коми языков.

1. Фонетика

1.1 Одной из наиболее заметных отличительных черт консонантизма пермских языков, которые выделяют их на фоне других финно-угорских языков, является озвончение части их согласных и появление ещё в прапермскую эпоху звонких взрывных, звонких сибилантов и звонких аффрикат (наряду с существовавшими и ранее глухими), коих не было в финно-угорском праязыке (ОФУЯ 1974: 118; ОФУЯ 1976: 136–137). Например, звонкие аффрикаты *ʒ* и *ʒ̥*, характерные для всех пермских языков и широко в них распространённые, нехарактерны практически для всех прочих финно-угорских языков.

Наиболее же ярким и показательным частным примером данного озвончения выглядит возникновение ещё в общепермскую эпоху (т. е. едва ли позднее рубежа I/II тыс. н. э.) в пермском праязыке анлаутных взрывных звонких фонем **b-*, **g-* и **d-* (в словах прафинно-угорского происхождения на месте старых **p-*, **k-* и **t-*, а также и в появившихся в пермских языках позже словах). Звонких взрывных согласных фонем в анлауте не только не существовало в финно-угорском праязыке, но и для подавляющего большинства финно-угорских языков такие согласные фонемы в начале слова нетипичны по сей день (ОФУЯ 1974: 119). Примеры:

— удм. *bur* ‘правый; добрый, хороший’, коми *bur* ‘добрый, хороший’ при мар. *poro* ‘добрый; добро’, эрз. *paro* ‘добро; добрый, хороший’, фин. *paras* ‘лучший, наилучший’ (КЭСК: 42; UEW: 724);

— удм. *giʒi*, коми *giž* ‘ноготь, коготь, копыто’ при мар. *küč*, эрз. *kenže*, фин. *kynsi* ‘ноготь, коготь’ (КЭСК: 84; UEW: 157);

— удм. *diñ* ‘комель (дерева); основание, фундамент’, кз. *din*, кп. *din* ‘комель, кочержка’ при мар. *tün* ‘комель, основание, основа’, фин. *tyvi* ‘комель, основание’ (КЭСК: 94; UEW: 523) и т. д.

Даже в сравнительно поздних заимствованиях в подавляющем большинстве финно-угорских языков (за исключением пермских и, что важно (см. ниже в этом же разделе), венгерского) анлаутная звонкая взрывная согласная языка-источника, как правило, заменялась на соответствующую глухую, напр.: фин. *kenraali* ‘генерал’, *pankki* ‘банк’; мар. *paʔor* ‘багор’, *küśle* ‘гусли’ и т. п.

По мнению В. И. Лыткина и Т. И. Тепляшиной, озвончение части глухих согласных в пермских языках началось в прапермскую эпоху и завершилось ещё до отделения предков удмуртов от предков коми (ОФУЯ 1976: 138). С моей точки зрения, этот вывод о завершении данного процесса в пермских языках ещё до распада прапермской этноязыковой общности может быть поставлен под сомнение. Дело в том, что процесс озвончения, например, тех же анлаутных согласных в пермских языках и их диалектах прошёл неравномерно. Существуют пары общепермских лексем, где в коми языках в начале слова наличествует звонкая согласная, а в удмуртском — глухая, или наоборот. Более того, порой такие пары «глухая/звонкая согласная в начале одной лексемы» присутствуют параллельно даже в рамках одного отдельно взятого пермского языка. Примеры:

— кз. *bol*/*bolʔk* ‘пузырь’, кз., кп. *vabol* ‘пузырь, мозоль’ (где *va-* ‘вода, водяной’), при этом существуют кз. *polʔk*, кп. *pol*, кя. *pol* ‘пузырь, мозоль’ (см. также кз., кп. *polʔdini* ‘набухать, вздываться’); удм. *puʔi* ‘тж.’; ср. эст. *pull* ‘пузырь’ с подобными параллелями в других финно-угорских языках (КЭСК: 40);

— удм. *biʔi* ‘почка, росток’; удм. *piʔi* ‘почка, верба’; кз. л. *poʔ* ‘почка’, печ. *poʔa* ‘сережка ивы’ (КЭСК: 226; ССКЗД: 295);

— кз., кп. *geb* ‘мошка’; удм. *kibi* ‘букашка, жучок’ (КЭСК: 75);

— кз., кп. *goz*, кя. *guz* ‘пара’; удм. *kuz* ‘пара’; при фин. *kansa* ‘народ’, эст. *kaasa* ‘супруг, супруга’ < праФП **kansa* ‘Volk, Leute; Genosse, Freund’ (КЭСК: 77; UEW: 645);

— коми *gut* ‘муха’; удм. *kut* ‘тж.’ (КЭСК: 83);

— удм. *giž/kiž* ‘грязь (на теле), нечистоты’ (УРС: 117);

— удм. *gubires* ‘горбатый, сутулый’ / *kupires* ‘согнутый, горбатый’ (УРС: 114, 231);

— кз., кп. *žemđini*, удм. *čemtini* ‘запнуться, споткнуться’ (КЭСК: 88);

— кз. уд. *žied* ‘мелкий, незрелый, плохой (о ягодах, колосьях)’ (ССКЗД: 104), лет. *čijed*, др. кз. диал. *čijeb* (ССКЗД: 410) ‘маленький, хрупкий, худенький, слабенький’; удм. *čijed* ‘худощавый, тощий, хилый’ (КЭСК: 305);

— кз. *deṭni* ‘поставить заплату; запрудить (реку для ловли рыбы)’, *deṭmas* ‘заплата’, *deṭeḍ* ‘загородка, запруда (для ловли рыбы)’, кп. *deṭeṭ* ‘тж.’; удм. *tiṭini* ‘запрудить’, *tiṭet* ‘пруд; запруда, плотина’ < праперм. **tiṭ-* ‘stauen, abdämmen’; ср. также мар. *tumāš* ‘заплата’ и др. < праФУ **toṭe-* ‘flicker’ (КЭСК: 96; UEW: 798);

— коми *žov/žol/žo/žu* ‘калина’; удм. *šu* ‘тж.’ < праФП **šewz* ‘Maßholderbaum, Wasserholunder, Viburnum opulus’ (КЭСК: 102; КПСР: 142; UEW: 784);

— кз. уд. *kezan pi* ‘жимолость’; удм. *guzetpi* ‘тж.’ (КЭСК: 139; ССКЗД: 169);

— кз. скр. *čaped*, вв. *žabed* ‘вешала, ряд кольев для просушки сетей’ (ССКЗД: 385) и др.

Как видим, процесс озвончения начальных (и не только) согласных корня слова выглядит незавершенным в том или ином пермском языке или его диалектах, он замер на разных стадиях в разных пермских диалектах и языках.

Помимо корневых основ, нечто очень похожее мы можем наблюдать и в некоторых аффиксах пермских языков, где также наблюдается чередование звонких и глухих согласных в разных пермских языках. Примеры:

— весьма продуктивному удмуртскому суффиксу прилагательных *-it* в коми-пермяцком языке соответствует *-it*, а в коми-зырянском — *-id*: удм. *šuniṭ* — кп. *šoniṭ* — кз. *šoniḍ* ‘тёплый’, удм. *čuriṭ* — кп. *čoriṭ* — кз. *čoriḍ* ‘твёрдый’, удм. *kurit* — кп. *kurit* — кз. *kurid* ‘горький’ и т. д. Отмечу, что верхнекамском (зюздинском) диалекте коми-пермяцкого языка, который во многих аспектах занимает промежуточное положение между коми-пермяцким и коми-зырянским языками, данный суффикс употребляется параллельно в обеих формах — с глухим и со звонким согласным — *-it/-id* (см. также ниже в данном разделе);

— удмуртскому отглагольному суффиксу имён *-et* в пермяцком соответствует суффикс *-et*, в зырянском — *-ed*: удм. *gožtet* — кп. *gižet* — кз. *gižed* ‘письмо’, удм. *piket* — кп. *piket* — кз. *pikēd* ‘подпорка’, удм. *kerttet* — кп. *kerttet* — кз. *kertēd* ‘завязка, привязь’ и т. п.;

— удмуртскому суффиксу лишительного падежа *-tek* в коми языках соответствует суффикс *-teg*: удм. *kitek* — кп., кз. *kiteg* ‘без руки’, удм. *hántek* — кп., кз. *hánteg* ‘без хлеба’, удм. *purttek* — кп., кз. *purtteg* ‘без ножа’;

— соединительный (совместный) падеж коми-пермяцкого языка имеет суффикс *-ket*, которому в коми-зырянском соответствует *-ked*: кп. *ošket* — кз. *ošked* ‘с медведем’, кп. *kerkuket* — кз. *kerkakēd* ‘с домом’. Аналогично с упомянутым выше суффиксом *-it/-id* в верхнекамском диалекте коми-пермяцкого языка параллельно употребляются обе формы — и с глухим, и со звонким согласным — *-ket/-ked* (см. также ниже);

— интересная картина наблюдается в притяжательных суффиксах пермских языков. В удмуртском языке суффиксами, указывающими на принадлежность ко 2-му и 3-му лицу единственного числа существительных являются соответственно *-id/-ed* и *-iz/-ez* (в обоих случаях звонкие согласные), в коми-пермяцком — *-it* и *-is* (в обоих случаях глухие), в коми-зырянском — *-id* и *-is* (звонкий и глухой): удм. *kiid* — кп. *kijit* — кз. *kijid* ‘твоя рука’, удм. *kijz* — кп., кз. *kijis* ‘его рука’, удм. *gurted* — кп. *gortit* — кз. *gortid* ‘твоя деревня’, удм.

gurtez — кп., кз. *gortj's* ‘его деревня’. Следует заметить, что данные лично-притяжательные суффиксы имеют прафинноугорское происхождение и восходят к глухим праФУ *-t (для 2-го лица ед. числа) и *-s (для 3-го лица ед. числа) (ОФУЯ 1974: 273);

— такая ситуация повторяется при склонении пермских имён существительных с притяжательными суффиксами. В удмуртском языке суффиксами вступительного и местного падежей для существительных с принадлежностью 2-му и 3-му лицу единственного числа являются соответственно *-ad/-jad* и *-az/-jaz* (в обоих случаях звонкие), в пермяцком — *-at* и *-as* (в обоих случаях глухие), в зырянском — *-ad* и *-as* (звонкий и глухой): удм. *gurtad* — кп. *gortat* — кз. *gortad* ‘в твою деревню; в твоей деревне’, удм. *gurtaz* — кп., кз. *gortas* ‘в его деревню; в его деревне’;

— в верхнекамском (зюздинском) наречии коми-пермяцкого языка, занимающем промежуточное положение между коми-зырянским языком и остальными пермяцкими диалектами, вышеупомянутые именные суффиксы *-id*, *-ed*, *-ked*, *-ad* со звонким согласным *-d*, характерные для коми-зырянского языка, употребляются наряду с общепермяцкими формами с глухим согласным — *-it*, *-et*, *-ket*, *-at* (Баталова 1975: 222). И аналогичных примеров можно привести ещё немало.

Как видим, и здесь наблюдается разная степень озвончения согласных в пермских языках и их диалектах. Подобное положение вещей позволяет мне предполагать, что процесс формирования в пермских языках противопоставления звонких и глухих взрывных, сибилантов и аффрикат завершился не ранее в позднепрапермской эпохе (непосредственно накануне распада прапермской общности), шёл в разных прапермских диалектах неравномерно и закончился либо уже после её распада, либо в течение периода этого распада, который длился, по всей видимости, не одно столетие (Белых 2009). Таким образом, я бы датировал завершение данного фонетического процесса приблизительно концом I тыс. н.э. — первой половиной II тыс. н.э.

Здесь вполне логично возникает законный вопрос о том, как связать вышеизложенные лингвистические данные с историческими реалиями той эпохи.

Имея в виду всё вышесказанное, можно выстроить следующую цепочку рассуждений:

1. В прапермском языке имел место некий толчок к появлению в нём целой группы звонких согласных фонем, отсутствовавших в прафинно-угорском и прафинно-пермском языках и нетипичных для большинства современных финно-угорских языков.

2. Этот толчок мог быть вызван языковым влиянием извне.

3. Существует немалая вероятность, что это влияние напрямую связано с присутствием на территории пермской прародины или в непосредственной близости к ней в прапермскую эпоху ираноязычного населения, в языке которого были подобные звонкие согласные.

Почему именно иранские языки представляются мне наиболее вероятным источником данного воздействия на языки пермские? Прежде всего нужно сказать, что звонкие согласные имеют фонологический статус практически во всех ветвях индоевропейской языковой семьи, за исключением тохарской. Однако, среди этих языков только две их группы или ветви можно подозревать в роли такого рода источника — балто-славянские и иранские или, шире, индоиранские языки. (Пара)балто-славянский языковой компонент, проникший в Волго-Камье в середине I тыс. н.э. и оказавший определенное влияние на финно-угорские языки этого региона (Напольских 2015: 163–180), по моему мнению, вряд ли в полной мере подходит на данную роль.

Дело в том, что, по всей видимости, звонкие шумные стали проникать в язык предков пермян задолго до середины I тыс. н.э. через лексические заимствования из индоиранских языков (начиная с III тыс. до н.э. — см. напр. Напольских 2015: 133). Об этом

свидетельствует тот факт, что почти во всех разновременных индоиранских заимствованиях звонким согласным источника в пермских языках соответствуют также звонкие, а глухим — глухие (Лыткин 1975: 84–97). Полагаю, что именно под этим индоиранским, а позднее иранским (со II тыс. до н.э. — Напольских 2015: 133) воздействием в языке предков пермян постепенно звонкие шумные стали появляться на месте глухих и во многих словах исконного лексического фонда (общеуральских, общефинно-угорских, общефинно-пермских и т. д.). Ну а завершился этот процесс озвончения, как уже сказано, не ранее позднепрапермской эпохи, о чём подробно изложено выше в данном разделе.

Позволю себе предположить, что вышеупомянутый процесс в исторической фонетике пермских языков на завершающей своей стадии мог быть следствием достаточно интенсивных контактов пермян с носителями иранских языков сармато-аланского типа, в которых звонкие взрывные *b*, *g* и *d* (в том числе, и в начале слова), звонкие сибиллянты и звонкие аффрикаты, противопоставленные их глухим парам, вполне обычны, типичны и реконструируются для древних североиранских языков, как их именовал В. И. Абаев, не позднее скифской эпохи (ОИЯ: 323). Именно с носителями этих иранских языков контактировали предки пермян в позднепрапермскую эпоху.

Мне остаётся только добавить, что идея об иранском влиянии на развитие звонких согласных в пермских языках осторожно высказывалась В. И. Лыткиным и Т. И. Тепляшиной ещё в середине 1970-х гг. (ОФУЯ 1976: 138).

Замечу, что среди финно-угорских языков, помимо пермских, озвончение **p*- и **t*- в начале слова и превращение их соответственно в *b*- и *d*-, а также само появление анлаутных звонких взрывных (*b*-, *d*-, *g*-), развитие противопоставления глухих и звонких согласных в анлауте за счёт появления и широкого распространения звонких смычных, сибиллянтов и аффрикат имело место ещё и в истории венгерского языка (ОФУЯ 1974: 119; ОФУЯ 1976: 380; Хайду 1985: 267–268, 268–269), предки носителей которого, также как и древние пермяне, в течение своей истории активно контактировали с иранцами. Во всяком случае, можно с уверенностью говорить, что среди финно-угорских языков именно в пермских языках и в венгерском эти звонкие согласные фонемы употребляются наиболее активно, а противопоставление звонких и глухих согласных выглядит сформированным наиболее последовательно.

В финно-угорском языкознании интерпретация и датировка данного фонетического явления и некоторых других общих тенденций фонетического развития в венгерском и пермских языках (см. раздел 1.2 настоящей статьи) остаётся предметом дискуссий. Так, например, Э. Итконен и К. Редей полагали, что эти общие тенденции фонетического развития сформировались в венгерском и пермских языках независимо друг от друга и не были следствием вторичных контактов носителей правенгерского и прапермского языков (Rédei 1964). Данная точка зрения представляется мне по меньшей мере сомнительной, т. к. выглядит совершенно невероятным, что многие не только фонетические, но и морфологические и лексические сходжения и параллели сформировались отдельно и независимо в пермских и венгерском языках. Гораздо более обоснованным и убедительным выглядит мнение, что хотя бы часть из них является следствием достаточно интенсивных вторичных контактов предков пермян и венгров (см. Хелимский 1982: 19–20; Напольских, Смирнов 2022: 622–623; а также разделы 1.1, 1.2, 2.2, 2.5 настоящей статьи).

Выглядит не вполне убедительным, хотя и заслуживающим внимания, мнение Т. Э. Утилы и К. Редей о том, что озвончение анлаутных смычных, сибиллянтов и аффрикат в пермских языках связано с ассимилятивным воздействием на них последующих звонких согласных слова. В качестве примеров они приводят: удм., коми *bad* ‘ива’ при фин. *raju* ‘тж.’; кз. *bajdeg* ‘куропатка’ при венг. *fajd* ‘Auerhahn’; удм. *diñ* ‘комель (дерева);

основание, фундамент', кз. *din*, кп. *djn* 'комель, кочерыжка' при фин. *tyvi* 'комель, основание' и др. (Rédei 1964: 255, 256). Я считаю высказанное Т. Э. Утилой и К. Редей суждение не вполне убедительным по следующим причинам:

Во-первых, существует немало примеров пермских лексем, где звонкая согласная середины или конца слова не оказала никакого ассимилятивного влияния на анлаутную глухую согласную: удм. *kiz*, кз. *koz*, кп. *kez* 'ель' < праур. **kuse* ~ **kose* 'Fichte, Tanne' (КЭСК: 127; UEW: 222); удм. *kur* 'луб, кора', кз. *kor* 'кожура, шелуха, луб' < праФУ **kere* 'Rinde' (КЭСК: 133; UEW: 148–149); удм. *palez*, *palez̃*, коми *pelis̃*, диал. *peliz̃* 'рябина' < праФУ **picla* 'Vogelbeere, Vogelbeerebaum' (КЭСК: 218; UEW: 376); удм., коми *pel* 'ухо' < праФУ **peljä* 'Ohr' (КЭСК: 218; UEW: 370); удм. *tođinj*, коми *tednj* 'знать' < праФУ **tumte-* 'fühlen, annrühren, tasten, betasten' (КЭСК: 283; UEW: 536) и др.

Во-вторых, с другой стороны, в пермских языках имеются примеры, когда анлаутная согласная озвончилась, несмотря на то, что за ней в составе слова следовала глухая: удм. *biškinj*, диал. *bičkinj*, коми *bičkinj* 'колоть, уколоть' < праФП < **pičkz* '(durch)stechen, stoßen' (КЭСК: 45; UEW: 739); удм. *gor* 'яма, ямка, углубление; ложбина', коми *ger* 'углубление, ямка, лунка; лужа; маленькое озеро' (КЭСК: 80) (в UEW удивительным образом эти пермские слова никак не связываются с фин. *kuorra* 'яма, ямка, впадина' — пермских слов в соответствующей словарной статье просто нет — и соответственно для них не предлагается более древняя этимология); коми *gos* 'жир, сало', удм. диал. *gusjanj* 'накормить, подкормить; закусить, немного поест' (КЭСК: 79), удм. *žoskit* 'узкий, тесный', кз. *žeskid*, кп. *žeskīt* 'тесный' (КЭСК: 90) и др.

В-третьих, мною уже были перечислены некоторые общепермские лексемы, в которых звонкая анлаутная предшествует последующей глухой согласной в одних пермских языках/диалектах, а в других в анлауте имеет место глухая согласная; или наоборот, в одних пермских языках/диалектах анлаутная глухая предшествует последующей звонкой согласной, а в других в анлауте в той же лексеме имеется звонкая согласная (см. выше в этом же разделе примеры с *bol'* ~ *pol'* ~ *pul'i*, *gut* ~ *kut*, *geb* ~ *kibi*, *goz* ~ *kuz* и др.).

В то же время, мне представляется, что данные факты являются важным подтверждением того, что озвончение анлаутных согласных в прапермском языке нашло своё завершение, как уже было сказано, сравнительно недавно, уже в позднепрапермскую эпоху, с чем, кстати говоря, соглашался и К. Редей (Rédei 1964: 256).

Следует сказать, что в независимости от того, считаем мы мнение Т. Э. Утилы и К. Редей верным или нет, это никак не мешает нам предположить, что сам факт появления звонких взрывных, сибилантов и аффрикат и их противопоставления своим глухим парам в прапермском языке вполне может быть вызван (индо)иранским языковым и культурным влиянием на пермян. В конце концов, тот же Т. Э. Утила считал, что звонкие смычные в начале слова существовали ещё в раннепрапермском языке, ссылаясь на такие арийские заимствования в пермских языках, как удм. *durj*, коми *dar* 'половник, разливательная ложка' (ср. санс. *dārvi-* 'ложка'), удм., коми *das* 'десять' (ср. осет. *dæs* 'тж.') (Rédei 1964: 255). Кстати говоря, по крайней мере последнее заимствование вполне могло попасть к пермянам уже в позднепрапермский период, о чём свидетельствует очень близкая фонетически осетинская параллель, но речь сейчас не об этом. Подобные примеры как раз и могут косвенно подтверждать, что именно проникновение в прапермский язык таких заимствований из древних (индо)иранских языков стимулировало возникновение в нём звонких смычных, сибилантов и аффрикат.

1.2. Ещё одной яркой отличительной особенностью фонетики пермских языков является деназализация, произошедшая ещё в общепермскую эпоху в прафинно-угорских

сочетаниях согласных *-mp-, *-nt-, *-nk-, *-ŋk-, *-nč-, *-nč-. В данных сочетаниях носовой согласный (*m*, *n* или *ŋ*) в пермских языках исчез, а второй компонент озвончился. Примеры:

— удм. *podīni* ‘закрывать (напр. окна, двери); придавить, прижать, прищемить’, кп. *pednawni* ‘закрывать, затворять’, кз. нв., уд. *pednawni* ‘закрывать крышкой; закрыть (печную трубу)’ (ССКЗД: 41, 296), венг. *fedni* ‘закрывать; при хант. *pent-* ‘закрывать, прикрывать’, манс. *pänt-*, *pant-* ‘закрывать’ и др. < праФУ **pentz-* ‘zumachen, decken’ (ОФУЯ 1974: 138; UEW: 371);

— удм. *idīni*, коми *idni* ‘напоить, дать пить’, венг. *adni* ‘дать’; при фин. *anta-* ‘дать’; мар. *omdaš* ‘скапливаться, скопиться (о молоке в вымени)’ и др. < праФУ **amta-* ‘geben’ (ОФУЯ 1974: 139; UEW: 8);

— удм. *tođini*, коми *teđni* ‘знать, узнать’, венг. *tudni* ‘знать; уметь; мочь’; при фин. *tunte-* ‘чувствовать, ощущать; знать, узнавать’, эст. *tunde-* ‘тж.’ и др. < праФУ **tumte-* ‘fühlen, annrühren, tasten, betasten’ (ОФУЯ 1974: 139; UEW: 536);

— удм. *vižini*, диал. *vižini* ‘перейти, переправиться, переехать’, удм. *viž*, диал. *viž* ‘мост; пол’, коми *vižni* ‘перейти, переправиться’; при мар. *wončāš* ‘перейти, переехать, переправиться’, манс. *onš-*, *wonš-*, *ins-* ‘тж.’ и др. < праФУ **wanša-* ‘überschreiten’ (ОФУЯ 1976: 138; UEW: 557);

— удм. *ibini* ‘стрелять’; при фин. *atruia* ‘стрелять’, эст. *ambi* ‘лук (оружие)’ и др. < праФУ **atrpz-* ‘werfen, schießen’ (ОФУЯ 1974: 139; UEW: 606) и т. п.

Важно заметить, что, как мы видим из первых трёх примеров, подобная деназализация развилась и в венгерском языке (см. ОФУЯ 1974: 137–139; ОФУЯ 1976: 380; Хелимский 1982: 19; Хайду 1985: 281–283), что может свидетельствовать о сепаратной пермско-венгерской фонетической инновации, а это, учитывая неблизкородственность пермских языков с венгерским, наводит на мысль о возможном одновременном влиянии на них извне, которое стало причиной этой деназализации. Что же могло быть источником такого влияния?

В этой связи обращает на себя внимание фонетическое явление регрессивной ассимиляции согласных в иронском диалекте осетинского языка, которое несколько напоминает пермско-венгерскую деназализацию, рассмотренную выше. В иронском диалекте в некоторых сочетаниях согласных имеет место исчезновение носовой согласной фонемы и уподобление её последующей согласной или (реже и только в исходе слова) просто выпадение носовой. В итоге произошла потеря носового, т.е. деназализация в следующих группах согласных иронского диалекта: **nd* > *dd*, **ns* > *ss/s*, **nx* > *xx/x*, **nğ* > *ğğ*, **nv* > *vv* и некоторых других. Примеры:

- ирон. *æddæ* при диг. *ændæ* ‘снаружи, вне’;
- ирон. *xussar* при диг. *xonsar* ‘юг’;
- ирон. *fyssyn* при диг. *finsyn* ‘писать’;
- ирон. *bos* при диг. *bons* ‘перевязь’;
- ирон. *xox* при диг. *xonx* ‘гора’;
- ирон. *æxxyys* при диг. *ænxys* ‘помощь’;
- ирон. *æğğæd* при диг. *ænğæd* ‘довольно’;
- ирон. *ævvaax* при диг. *ænvaax* ‘близко’ и т. п. (Абаев 1949: 380).

К сожалению, мне не удалось отыскать какие-либо сведения о датировке этого иронского фонетического сдвига. Однако, на принципиальную возможность достаточно древних контактов пермян с носителями алано-осетинского языка именно иронского типа указывают такие лексические заимствования как удм. *badžim* ~ *bažžim* ‘большой, крупный’ < осет. ирон. *bæžžyn* ‘толстый, густой’, при дигор. *bæžgin* ‘тж.’, где в иронском варианте праосетинская звонкая смычная -g- закономерно превратилась перед гласной -y- в звонкую аффрикату -ž- (Абаев 1949: 376), что и отразилось в фонетике удмуртского слова.

Строго говоря, между пермско-венгерской деназализацией и осетинской (иронской) регрессивной ассимиляцией не так уж много общего. Собственно, в обоих случаях общим является только факт исчезновения первой (носовой) согласной фонемы в сочетании двух фонем. Однако, в пермских и венгерском языках вторая согласная сочетания озвончилась, а в иронском — осталась без изменений. Поэтому, не настаивая на обязательном иранском влиянии на пермско-венгерскую деназализацию, я всё же считаю возможным обратить внимание на данное сходство и очень осторожно предполагаю, что происходившая в древнеосетинском (древнеиронском) ассимиляция согласных, могла оказать влияние на процесс деназализации в прапермском и правенгерском. Вкупе же с проходившим параллельно процессом озвончения глухих согласных (см. выше, раздел 1.1.) этот процесс мог привести к тому, что вторая согласная сочетания в пермских языках и в венгерском стала звонкой.

Замечу, что, например, К. Редей и П. Хайду, отметив поразительное сходство озвончения согласных и деназализации их сочетаний в венгерском и пермских языках, всё же считали эти процессы произошедшими в разное время и независимо в правенгерском и прапермском (см. напр. ОФУЯ 1974: 137; Хайду 1985: 282–283). Впрочем, другие исследователи полагали возможным считать эти общие тенденции развития фонетики венгерского и пермских языков обусловленными тесными вторичными контактами предков венгров и пермян (см. напр. Хелимский 1982: 19–20). На данный момент я полагаю достаточным указать на имеющийся параллелизм, не углубляясь в рассмотрение проблемы и не отдавая предпочтения какой-либо из возможных интерпретаций.

2. Морфология

Вероятные следы иранского влияния на пермские языки также могут быть зафиксированы и в морфологических системах удмуртского и коми языков.

2.1. Удмуртский аффикс прилагательных и существительных *-eg/-ek*, а также родственный ему коми аффикс *-eg/-og*, в словах типа удм. *žazeg* ‘гусь’ (при кз. *žožeg*, кп. *žožog* ‘гусь’), лит. *žeg*, диал. *žizeg* ‘рожь’ (при коми *ružeg* ‘тж.’), *lapreg* ‘низкий, невысокий’ (ср. *lap* ‘тж.’), *puteg* ‘трещина, щель’ (ср. *put koškini*, *putini* ‘треснуть, расколоться’), *šuleg/šubeg* ‘узкий’ (развёрнутый список подобных слов в удмуртском языке см. Алатырев 1976: 124–129) и т.п. По всей видимости, сюда же следует отнести аналогичный аффикс, представленный в общепермских дохристианских личных именах, типа удм. *šudeg* / коми *šudeg* удм. *Kužeg*, *Mušeg*/*Mušek*/*Mošeg*, *Mijeg*/*Mojeg*, *Ožeg*, *Ožmeg*, *Poreg*, *Užeg*, *Urseg*, *Ćudeg* и т.п. (см. Атаманов 1989: 169–181).

Часть финноугроведов предполагала для этих аффиксов прауральское происхождение (Атаманов 1989: 170). Однако нельзя не заметить, что данная морфема внешне очень напоминает обильно представленные в дошедших до нас скифских именах суффиксы *-ag* (< *-ak(a)*) и аналогичные им осетинские суффиксы существительных и прилагательных *-ag/-æg*.

В скифском данные суффиксы могли присоединяться как к глагольной основе, образуя отглагольные имена, так и к именной. Аналогичная ситуация наблюдается и в современном осетинском языке (Камболов 2006: 109–110). Нечто похожее мы видим и в пермских языках. Сравните, например, осет. *kærdæg* ‘косящий, косарь’, ‘косимое’ > ‘трава’ (от *kærdyn/kærdun* ‘косить’), *xudæg/xodæg* ‘смеющийся’, ‘смешной’ (от *xudyn/xodun* ‘смеяться’), *žymæg/zumæg* ‘зима’, *næwæg* ‘новый’ и удм. *puteg* ‘трещина, щель’ (от *putini* ‘треснуть, расколоться’), *kureg* ‘курица’, *lapreg* ‘низкий, невысокий’, *kuašeg* ‘мелкий, неглубокий’, кз. *bjdmeg* ‘растение’ (от *bjdmini* ‘расти’), *otseg* ‘помощь’ (от *otsavni* ‘помогать’), *kureg* ‘курица’.

Считается, что осетинские суффиксы *-ag/-æg* имеют праиранское происхождение и восходят соответственно к ир. **-āka/*-aka* (Камболов 2006: 381). И в древнем скифском, и в современном осетинском языках вышеуказанные суффиксы выполняли также функцию образования личных имён: скиф. *Aspak* < *aspa* ‘лошадь’, *Sanag* < *sana* ‘вино’, осет. *Kwyzæg* < *kwyz* ‘собака’ и т. п. (Камболов 2006: 110; Абаев 1959: 110). Такую же роль играл аффикс *-eg/-ek/-eg* в пермских языках, служа суффиксом, образующим личные мужские имена (см. выше и ниже в данном разделе).

По мнению Т. Т. Камболова, скифский (*-ag/-ak*) и осетинский (*-ag*) суффиксы придают корневой основе имён следующие значения: ‘происходящий откуда-то’, ‘принадлежащий к чему-то’, ‘предназначенный стать чем-либо’, ‘пригодный к чему-либо’, ‘достойный чего-либо’ (Камболов 2006: 111).

По В. И. Абаеву, будучи присоединённым к глагольной основе, суффикс *-æg* образует чаще всего причастия активного действия, со значением действующего лица: осет. *fyssyn* ‘писать’ — *fyssæg* ‘пишущий, писатель’, *kusyn* ‘работать’ — *kusæg* ‘рабочий, работник’ или причастия настоящего времени со значением имени действия: *zaryn* ‘петь’ — *zaræg* ‘песня’, *xyufyn* ‘кашлять’ — *xyufæg* ‘кашель’ и т. д.

В подобных случаях суффикс *-ag* образует в осетинском языке отглагольные формы, означающие постоянное свойство или склонность к какому-либо действию: *wajyn* ‘скакать, бегать’ — *wajag* ‘скакун; быстрый’, *nwazyn* ‘пить’ — *nwazag* ‘пьяница’, *kusyn* ‘работать’ — *kusag* ‘работающий, трудолюбивый’ и т. п.

Присоединяясь же к именным основам суффикс *-ag* образует формы, указывающие на происхождение, принадлежность к чему-либо, либо предназначение: *wyryssag* ‘русский’ (*wyrys* ‘русские’), *hoxag* ‘горец’ (*hox* ‘гора’), *toĵag* ‘будущий муж’ (*toĵ* ‘муж’), *araqqag* ‘сусло для водки’ (*araqq* ‘водка’). Суффикс *-æg* сравнительно редко присоединяется к именным основам и придаёт им довольно схожее значение: *mægwyraæg* ‘бедняга’ (*mægwyr* ‘бедный’), *galiwæg* ‘левша’ (*galiw* ‘левый’), *æxsæræg* ‘белка’ (*æxsær* ‘орех’) (Абаев 1959: 63–64, 108–110).

Грамматики удмуртского и коми-пермяцкого языков никак не объясняют значение вышеуказанных пермских суффиксов, а в грамматике коми-зырянского языка о суффиксе *-eg* говорится, что его значение трудно установить (СКЯ: 157). По не очень чётко сформулированному суждению В. И. Алатырева, данный суффикс в удмуртском языке означает некий признак, «присущий предмету или явлению, выраженному производящей основой» (Алатырев 1976: 124). Однако, в свете данных осетинского языка многие пермские апеллятивы на *-eg/-æg*, а также общепермские дохристианские антропонимы получают вполне логичную и довольно ясную этимологию. Например:

— удм. *val’eg* ‘скользящий, гладкий’ < *val’-val’* выражение, передающее зрительно-осознательное ощущение очень гладкой и скользкой поверхности (Алатырев 1976: 124);

— удм. *kɥaśeg* ‘мелкий, неглубокий’ < *kɥaś* ‘тж.’, при коми *koś* ‘порог, перекат; отмель’ (Алатырев 1976: 125);

— удм. *Asleg* < праперм. **asil* ‘утро’, ср. удм. сев. *asil*, коми *asil/asiv* ‘тж.’ (Атаманов 1989: 171), т. е. данное имя буквально означало, вероятно, ‘рождённый утром, принадлежащий утру, происходящий от утра’;

— удм. *Ižeg* < *ižinj* ‘спать’ (Атаманов 1989: 173), т. е. ‘любящий поспать, соня’;

— удм. *Kužeg* < праперм. **kuž* ‘длинный, высокий’ (Атаманов 1989: 173);

— удм. *Poreg* < *por* ‘мариец, марийский’ (Атаманов 1989: 175);

— удм. *Šudeg*, коми *Šudeg* < праперм. **šud* ‘счастье’ (Атаманов 1989: 178), т. е. ‘счастливый, обладающий счастьем’, ‘предназначенный для счастья’ или ‘происходящий от счастья’ и т. д.

Следует полагать, что данные суффиксы проникли в прапермский язык в составе алано-осетинских лексических заимствований, вроде др.-перм. *ideg* ‘ангел’ < осет. *idawæg* ‘божество’ (Joki 1973: 264), а впоследствии распространились и на прочую лексику пермских языков.

2.2. Общепермская форма инфинитива на *-ni* (удм. *tiñin* ‘идти’, коми *типи* ‘идти’, удм. *ižan* ‘работать’ и т.д.). В некоторых удмуртских диалектах инфинитив образуется без конечной *-i* (*tiñin*, *ižan*) (Грамматика 1962: 255; Кельмаков 1998: 153–154). Вполне возможна связь с осетинским показателем инфинитива *-un/-in* (ирон. *sæwun*, диг. *sæun* ‘идти, ехать’; ирон. *kusun*, диг. *kosun* ‘работать’). Осетинский показатель инфинитива имеет очень древнее, возможно общеарийское происхождение, и вероятно восходит к ар. **-ina* (Камболов 2006: 382).

См. также явно сближающийся с пермским венгерский аффикс инфинитива *-ni* (*menni* ‘идти, ехать’, *hinni* ‘верить’ и т.д.). Здесь важно отметить, что данная форма инфинитива — это сепаратная пермско-венгерская параллель, которая не находит никаких соответствий в прочих финно-угорских языках. Если же учесть, что удмуртский и коми языки, с одной стороны, и венгерский, с другой — это весьма дальние «родственники», то сам факт наличия такой сепаратной параллели наводит на мысль, что мы, вероятно, имеем дело со сравнительно поздней пермско-венгерской инновацией, причиной возникновения которой вполне могло быть заимствование из иранского источника.

В финно-угорском языкознании общепермский (а также венгерский) суффикс инфинитива традиционно принято считать возникшим из сочетания прафинно-угорского (или даже прауральского) суффикса нефинитных форм глагола **-n* с суффиксом латива **-k* (впоследствии отпавшего): праФУ **-nik* > удм., коми *-ni*, венг. *-ni* (ОФУЯ 1974: 346; ОФУЯ 1976: 187; Хайду 1985: 333; Csúcs 2005: 278).

Не отрицая такую возможность, всё же замечу, что данное толкование никак не объясняет совершенно поразительное формальное и функциональное сходство пермского суффикса инфинитива с венгерским. На мой взгляд, достойного объяснения этот примечательный факт не получил в уралистике до сих пор. Например, я не могу согласиться с мнением Б. А. Серебренникова о том, что суффиксы инфинитива пермских языков связаны с аналогичным суффиксом венгерского языка генетически (Серебренников 1963: 314), т. е. восходят, как минимум, к прафинно-угорской эпохе. Такое предположение выглядит очень маловероятным, учитывая, что, во-первых, пермские языки связаны с венгерским весьма дальними родственными связями, а, во-вторых, ни в обско-угорских, ни в финно-волжских языках, которые являются гораздо более близкими «родственниками» соответственно венгерского и пермских языков, мы не видим никаких хотя бы отдалённо похожих форм инфинитива. Также вряд ли приемлемой мне представляется идея К. Редеев о том, что удивительное сходство общепермской и венгерской форм есть не более чем чистая случайность (см. напр. Csúcs 2005: 279). С точкой зрения К. Редеев тем более трудно согласиться, если вспомнить, что такими же случайными совпадениями этот учёный считал и чрезвычайно похожие процессы развития звонких согласных, а также денанализацию групп согласных в пермских и венгерском языках (см. выше, разделы 1.1 и 1.2 настоящей статьи). Не слишком ли много «чистых случайностей»?

Всё вышесказанное позволяет мне заключить, что, скорее всего, формальное и функциональное сходство пермского и венгерского инфинитивов является не следствием генетического родства этих языков, а результатом вторичных контактов носителей прапермского и правенгерского языков, которые, как принято считать, имели место в Прикамье в эпоху средневековья, начиная со второй половины I тыс. н.э. Поэтому, не отме-

тая сходу возможность прафинно-угорского (прауральского) происхождения данного суффикса инфинитива, я всё же взял бы на себя смелость предложить альтернативный его вариант — происхождение из иранского источника.

2.3. Удмуртский аффикс отглагольных образований *-on/-n* (типа *jaraton*, *užan*). При помощи этого суффикса от любого глагола образуются существительные, которые можно характеризовать как имя действия: *jaratini* ‘любить’ — *jaraton* ‘любовь’, *vijini* ‘убить’ — *vijon* ‘убийство’, *užani* ‘работать’ — *užan* ‘работа’, *šijini* ‘есть, кушать’ — *šijon* ‘еда’, *jižini* ‘пить’ — *juon* ‘питьё’ и т. д. (Грамматика 1962: 111–114). В некоторых случаях существительные, образованные от данного суффикса, имеют двойную семантику, означая одновременно не только определённое действие или процесс, но и предмет, связанный своим назначением с данным действием. Например: *pukon* ‘сидение (действие, состояние)’ и ‘стул (предмет, связанный с сидением)’ < *pukini* ‘сидеть’, *šulan* ‘свист, насвистывание (действие)’ и ‘свисток (предмет, предназначенный для свиста)’ < *šulani* ‘свистеть’, *juon* ‘питьё, выпивание, выпивка’ и ‘питьё, напиток’ < *jižini* ‘пить’ и т. д. (Грамматика 1962: 113).

Следует также отметить, что в ряде случаев данная форма может быть переведена не как имя существительное, а как прилагательное или причастие, образованное от глагола и указывающее на определённое качество того или иного предмета или объекта. Например, слово *jaraton* (< *jaratini* «любить») может быть переведено не только как ‘любовь’, но и как ‘любимый’; *ulon* (< *ulini* ‘жить’) — ‘жизнь’ и ‘жилой, жизненный, житейский’. Ср. *jun jaraton* ‘крепкая любовь’ (существительное) и *jaraton pije* ‘(мой) любимый сын’ (прилагательное); *šudo ulon* ‘счастливая жизнь’ (существительное) и *ulon inti* ‘жилое место’ (прилагательное).

В коми языках удмуртскому *-on/-n* соответствует аффикс *-an*, посредством которого от глаголов образуются существительные, обозначающие орудие или объект действия: *vartan* ‘цеп’ — *vartni* ‘молотить’, *sinan* ‘гребень’ — *sinaoni* ‘чесать, расчёсывать’, *juan* ‘питьё’ — *juni* ‘пить’, *šojan* ‘еда’ — *šojni* ‘есть’ и т. п. (СКЯ: 154–155, КПЯ: 205–206).

Интересно, что, в коми-пермяцком языке, а также, в некоторых случаях, в лузско-летском и верхнесысольском диалектах коми-зырянского, аффикс отглагольных существительных *-an*, помимо значения орудия или объекта действия, может иметь и значение самого процесса действия или состояния. Например: кп. *olan* ‘жизнь, житьё’ < *olni/ovni* ‘жить’, *vundan* ‘жатва’ < *vundini* ‘жаты’, лл., вс., *višan* ‘болезнь’ < *višni* ‘болеть’ (ССКЗД: 475).

Кроме того, согласно грамматике коми-пермяцкого языка, при помощи данного суффикса от глаголов образуются прилагательные или причастия (отглагольные прилагательные), обозначающие признак по действию (состоянию), производимому предметами или объектами: *bidman pu* ‘растущее дерево’ (< *bidmini* ‘расти’), *vartan mašina* ‘молотилка, молотильная машина’ (*vartni* ‘молотить’) и т. д. (КПЯ: 222, 279–280).

В коми-зырянских грамматиках формы на *-an* трактуются как причастия (отглагольные прилагательные) совершаемого над предметом или объектом действия, напр.: *gižan pišme* ‘писомое письмо; письмо, которое пишется’ (< *gižni* ‘писать’); *veledan mort* ‘обучаемый человек’ (< *veledni* ‘учить, обучать’) (СКЯ: 242).

Разумеется, здесь следует иметь в виду, что грамматические системы русского и пермских языков серьёзно различаются, терминология, вполне подходящая и логичная для названий частей речи русского языка, вряд ли может в той же мере годиться для удмуртского и коми языков. Тем не менее, как бы мы не именовали вышеуказанные формы — существительными, прилагательными или причастиями — одно мы можем утверждать уверенно: все эти образования являются отглагольными, отображающими те или иные качества предметов или объектов, связанные с соответствующими глаголами.

В финно-угроведческой литературе пермские имена на *-n/-on/-an* принято считать по своему происхождению субстантивированными причастиями (Серебренников 1963: 297; ОФУЯ 1976: 150; Csúcs 2005: 280).

В этой связи привлекает внимание осетинский суффикс отглагольных и отымённых образований *-on* и соответствующий ему древнескифский суффикс *-ān*, которые восходят к ир. **-āna* (Камболов 2006: 111, 382). В осетинских отглагольных образованиях при помощи суффикса *-on* образуются причастия настоящего времени, чаще пассивные, реже активные: осет. *baron* ‘прощающий’ < *bar-* ‘прощать’, *waržon/warzon* ‘любимый’ < *warž-/warz-* ‘любить’ и т. п. (Камболов 2006: 111). Любопытно, что в ряде случаев, подобно пермским языкам, в осетинском данные отглагольные образования могут переводиться как существительные, обозначающие соответствующее действие: *fændon* ‘желание’ < *fændyn* ‘хотеть’, *kænon* ‘поведение’ < *kænyn* ‘делать, творить’ (Абаев 1959: 112).

В. И. Абаев отмечал, что отглагольные образования на *-on* в осетинском языке довольно редки, чаще данный суффикс присоединяется к именным основам (Абаев 1959: 112). Однако, здесь следует упомянуть и о другом суффиксе осетинского языка — *-æn* — который тоже может присоединяться к глагольным (чаще) и именным (редко) основам и образует слова, довольно близкие по смыслу к словам на *-on* (Абаев 1959: 110–112). Форма на *-æn* также может иметь отношение к вышеуказанным грамматическим формам пермских языков. Данный осетинский суффикс, как и суффикс *-on*, имеет праиранское происхождение и восходит к ир. **-ana* (Камболов 2006: 382).

По В. И. Абаеву, в отглагольных образованиях суффикс *-æn* указывает, в частности, на:

а) орудие действия — *k'axæn* ‘кирка’ < *k'axyn* ‘копать’, *qazæn* ‘игрушка’ < *qazyn* ‘играть’, *wasæn* ‘свисток’ < *wasyn* ‘свистеть’ (Абаев 1959: 110). Ср. напр. удм. *šudon* ‘игрушка’ < *šudīnj* ‘играть’, *šulan* ‘свисток, свистулька’ < *šulanj* ‘свистеть’, кз. *čipsan* ‘свисток; манок, пищик’ < *čipsinj* ‘свистеть, пищать, щебетать’.

б) место действия — *badæn* ‘сиденье, место для сидения’ < *badyn* ‘сидеть’, *хиуssæn* ‘ложе’ < *хиуssyn* ‘спать’, *хинаjæn* ‘купальня’ < *xi najyn* ‘купаться’ (Абаев 1959: 111). Ср. удм. *pikon* ‘стул’ < *pikīnj* ‘сидеть’, *pilaškon* ‘умывальник’ < *pilaškīnj* ‘мыться, умываться, купаться’.

в) само действие или его результат — *t'yssæntæ* ‘запасы’ (где *-tæ* — аффикс множественного числа) < *t'yssyn* ‘совать, вкладывать’, *axodæn* ‘завтрак’ < *axodyn* ‘есть, закусывать’ (Абаев 1959: 112). Ср. удм. *dirton* ‘спешка, торопливость; гонка’ < *dirtīnj* ‘спешить, торопиться’, *nullon* ‘ношение, носка’ < *nullīnj* ‘носить’, *nunažejan* ‘обед’ < *nunažejanj* ‘обедать’.

Как видим, в удмуртском языке такие значения характерны для очень многих отглагольных образований на *-on/-n*, а значение самого действия — практически для всех них. Так, например, вышеупомянутое удм. *šudon* имеет значение не только ‘игрушка’, но и ‘игра’, *šulan* — не только ‘свисток’, но и ‘свист, насвистывание’, *pikon* — не только ‘стул’, но и ‘сидение (процесс)’, *pilaškon* — ‘умывальник’ и ‘мытьё, умывание, купание’ и т. п. В коми языках так же, хотя и в несколько меньшей степени, подобными значениями обладают отглагольные формы на *-an* (см. выше в данном разделе).

В фундаментальных работах по общему финно-угроведению нет единого устоявшегося мнения о происхождении пермского суффикса *-n/-on/-an* (ОФУЯ 1976: 150, 153). Чаще всего его считают производным от суффикса инфинитива (Серебренников 1963: 296; Csúcs 2005: 280) и при этом сопоставляют с марийским деепричастным суффиксом *-n/-en/-æn*, мордовским причастным суффиксом *-ń*, мансийским суффиксом причастия настоящего времени *-na* (Серебренников 1963: 295–298). Однако, с моей точки зрения, именно с осетинскими суффиксами пермские проявляют наибольшую фонетическую и функциональную близость. Это обстоятельство позволяет мне считать данную альтернативу по крайней мере не менее привлекательной и приемлемой.

2.4. В пермских языках существует деепричастие (отглагольное наречие), указывающее на действие, протекающее одновременно с основным действием. В коми-зырянском языке, в зависимости от конкретного диалекта, такие деепричастия образуются путём присоединения к глагольной основе суффикса *-igen/-igin/-igen/-ige/-ig*. В диалектах коми-пермяцкого языка данному суффиксу соответствует *-ige/-ike/-ik*. В удмуртском языке коми формам соответствует деепричастие на *-ku/-ki*. Более распространённый сегодня фонетический вариант *-ku* принято считать более поздним, возникшим от варианта *-ki* по ассоциации с удмуртским вопросительным местоимением *ku*? ‘когда?’ (Кельмаков 1998: 160).

Примеры: кз. *tuŋigen*, кп. *tuŋike*, удм. *tuŋiku* ‘идучи, во время ходьбы, когда шёл’ (от коми *tuŋni*, удм. *tuŋini* ‘идти, ходить’); кз. *šorŋitigen* ‘разговаривая, во время разговора’ < *šorŋitni* ‘разговаривать’, кп. *gerike* ‘распахивая, во время пахоты’ < *gerŋi* ‘пахать’, удм. *užaku* ‘работая, во время работы’ < *užani* ‘работать’ (см. ССКЗД: 486; СКЯ: 244; КПА: 281; Баталова 1975: 191; Грамматика 1962: 283–287; Кельмаков 1998: 159–160).

Мне представляется, что упомянутые пермские суффиксы (особенно их коми-зырянские варианты) фонетически и по своему значению имеют некоторое сходство с осетинским суффиксом прилагательных и наречий *-ykkon/-ygon/-igon*: ирон. *znonykkon* ‘вчерашний’ < *znop* ‘вчера’, *bonuygon* ‘днём’ < *bon* ‘день’, *særdygon* ‘летом’ < *særd* ‘лето’, диг. *sæumigon* ‘утром’ < *sæumæ* ‘утро’, *iuxattigon* ‘давешний’ < *iu xatt* ‘однажды’ и т. п. (Абаев 1949: 425; Абаев 1959: 113). Основную проблему здесь составляет то важное различие, что в пермских языках вышеуказанные суффиксы могут присоединяться исключительно к глагольным основам, а осетинские суффиксы, по всей видимости, тяготеют к основам именным, а не к глагольным.

Тем не менее, существует по крайней мере два обстоятельства, которые позволяют мне с известной осторожностью всё же указать на данную возможную параллель. Во-первых, по мнению В. И. Абаева, малопродуктивный в современном осетинском языке суффикс *-ykkon/-ygon/-igon* представляет собой осложнённый вариант уже рассмотренного выше (см. раздел 2.3) суффикса *-on* (Абаев 1959: 113), а тот, как уже говорилось, может присоединяться как к именным, так и к глагольным основам. Поэтому можно предположить, что данная осложнённая форма в прошлом была более продуктивна и могла присоединяться также и к глагольным основам. Во-вторых, довольно близкими выглядят значения пермских и осетинских суффиксов, придаваемые ими тем корневым основам, к коим они присоединяются. Речь здесь практически всегда идёт о каком-то временном периоде, отрезке времени, когда происходило то или иное событие, действие и т. д.

Ср., например: кз. *Řednej zavod jiljš dumajtigen šelemišli veli kokni*. ‘Думая о родном заводе, сердцу было легко’, т. е. букв. ‘Когда он(а) думал(а) о родном заводе, его/её сердцу было легко’ (СКЯ: 244); осет. *Acy qædy læg bonuygon dæx fæzæğæl wužæn*. ‘В этом лесу человек и днём заблудится’ (Грамматика 1963: 215).

В финно-угроведении вопрос происхождения данных пермских суффиксов деепричастий считается сложной проблемой, т. к. в родственных финно-угорских языках очевидных параллелей им нет (Серебренников 1963: 302; Csúcs 2005: 284). Такое положение вещей заставляет обратить на осетинские параллели ещё большее внимание.

2.5. Довольно продуктивен в удмуртском языке аффикс *-et*, при помощи которого от глаголов образуются существительные, которые обозначают:

а) орудие действия или предмет, имеющий определённое назначение: *piket* ‘подпорка’ < *pikini* ‘подпирать’, *mertet* ‘мерка, орудие измерения’ < *mertani* ‘измерять, мерить, взвесить’, *šobiret* ‘покрывало, одеяло’ < *šobirjani* ‘покрывать, укрывать, накрывать’ и др.

б) орудие действия и результат действия: *kerttet* ‘вязанка’ и ‘завязка’ < *kerttini* ‘завязать, связать, обвязать’, *širet* ‘нож для распарывания материи’ и ‘стежок шва; то, что подрезано’ < *širini* ‘распороть, подрезать’, *suret* ‘мешалка, мутовка’ и ‘смесь, мешанина’ < *surani* ‘мешать, смешивать’ и др.

в) действие и результат действия: *valektet* ‘объяснение, разъяснение’ и ‘то, что разъяснено’ < *valektini* ‘объяснить, разъяснить’, *jurttet* ‘помощь, поддержка’ (как процесс и как результат) < *jurttini* ‘помогать, помочь, поддержать’ и др.

г) результат и объект действия: *l’uket* ‘часть, отрезок’ < *l’ukini* ‘делить, расчленивать’, *gožtet* ‘письмо, записка’ < *gožtini* ‘писать, написать’, *tjmet* ‘пруд, запруда, плотина’ < *tjmini* ‘запрудить’ и др. (Грамматика 1962: 115–116).

В коми языках удмуртскому суффиксу *-et* соответствует суффикс *-et* (в коми-пермяцком) и *-ed* (в коми-зырянском). При помощи упомянутого аффикса образуются отглагольные существительные, обозначающие:

а) предмет, предназначенный для действия: кп. *kertet* ‘повязка, привязь’ < *kertavni* ‘привязать, завязать’, *piket* ‘опора, подпорка’ < *pikni* ‘подпереть’, *tupket* ‘затычка’ < *tupkavni* ‘заткнуть, заделать’; кз. *kerted* ‘повязка, завязка’ < *kertavni* ‘завязать’, *piked* ‘подпорка’ < *pikni* ‘подпереть’;

б) результат производимого действия: кп. *otset* ‘помощь, поддержка’ < *otsavni* ‘помочь, помогать’, *gižet* ‘письмо’ < *gižni* ‘писать’, *šoget* ‘болезнь’ < *šogavni* ‘болеть’; кз. *čuped* ‘зарубка, выемка’ < *čupni* ‘сделать зарубку’, *gižed* ‘письмо’ < *gižni* ‘писать’; и т. п. (КПЯ: 207; СКЯ: 157).

Данные формы пермских языков напоминают осетинские причастия прошедшего времени, образованные при помощи похожего суффикса *-t/-d*, которые также могут переводиться и как отглагольные существительные, обозначающие действие и/или результат действия: *card* ‘жизнь’ < *cæryn* ‘жить’; *fyst* ‘написанный; писание; письмо’ < *fyssyn* ‘писать’; *bast* ‘связанный, привязанный; вязанка, пучок, связка’ < *battyn* ‘связывать’; *mard* ‘мёртвый, убитый; мертвец, покойник’ < *maryn* ‘убивать’; *syğd* ‘сгоревший, горелый, выжженный; пожар’ < *suzyn* ‘сгорать, гореть’; *kuyst* ‘работа’ < *kusyn* ‘работать’; *zond* ‘ум; знание’; *zynd* ‘знаемый, известный’ < *zonyn* ‘знать’ и т. п. (Абаев 1949: 570; Абаев 1959: 63, 114). Осетинское причастие прошедшего времени восходит к древнеиранскому причастию на *-ta* (Абаев 1949: 570; Грамматика 1963: 271).

Здесь я не могу не указать на весьма сходные по звучанию и значению с пермскими и осетинскими венгерские формы отглагольных существительных с суффиксами *-at/-et/-t*, которые обозначают действие или, чаще, результат действия: *fordulat* ‘поворот, разворот, оборот’ < *fordulni* ‘оборачиваться, переворачиваться’, *fonat* ‘пряжа; коса’ < *fonni* ‘прясть; плести’, *menet* ‘ход, проезд, рейс, марш’ < *menni* ‘идти, ходить, ехать’, *cselekedet* ‘поступок, действие’ < *cselekedni* ‘действовать, поступать’, *hit* ‘вера’ < *hinni* ‘верить’ и т. п. (Балаша 1951: 154).

Некоторая часть финноугроведов склонна видеть в венгерском суффиксе развитие прафинно-угорского или даже прауральского отглагольного суффикса **-tt* (ОФУЯ 1974: 356; ОФУЯ 1976: 388). Однако, такая точка зрения поддерживается не всеми исследователями, единого мнения здесь нет (ОФУЯ 1974: 356–357). В то же время, что интересно, венгерский суффикс, кажется, никем не сопоставляется с вышеупомянутыми отглагольными суффиксами существительных пермских языков. С моей же точки зрения, общность происхождения пермских и венгерского суффиксов выглядит весьма вероятной. Кроме того, мы, возможно, вновь сталкиваемся с примером иранского влияния на пермские и венгерский языки.

2.6. Удмуртский суффикс сравнительной степени прилагательных и наречий *-gem* (употребляемый наряду с суффиксом *-ges*): *viľ'gem/viľ'ges* 'новее' (*viľ'* 'новый'), *kužmogem/kužmoges* 'сильнее' (*kužmo* 'сильный'), *ićigem/ićiges* 'меньше' (*ići* 'мало') и т. д. Важно отметить, что в словах с этим суффиксом присутствует некий оттенок неполноты, умеренности качества. Дело в том, что сравнительная степень прилагательных и наречий в удмуртском языке может образовываться и без данного суффикса. Если сравнить два удмуртских выражения, с этим суффиксом и без него, например, 1) *ton mĩneštĩm kužmo* и 2) *ton mĩneštĩm kužmogem*, между ними есть определенная разница. В первом случае выражение означает просто «ты сильнее меня», а во втором — «ты немного, незначительно сильнее меня» (см. Грамматика 1962: 138).

Значение неполноты качества, придаваемое данным суффиксом проявляет себя не только в формулировании сравнительной степени, но и в выражениях типа *ćagĩrgem/ćagĩrges śĩnjos* 'голубоватые глаза', где *ćagĩrgem/ćagĩrges* 'голубоватый' < *ćagĩr* 'голубой'. Помимо прилагательных и наречий этот суффикс может присоединяться и к глагольным основам, также придавая им значение неполноты, умеренности качества: *ton viśiškogem/viśiškoges* 'я немножко болею', тогда как *ton viśiško* означает просто 'я болею'.

В лузско-летском, верхнесысольском, вымском диалектах коми-зырянского и в верхнекамском диалекте коми-пермяцкого языков имеется суффикс неполноты качества прилагательных и наречий *-gem*; вс. *ul'gem* 'сыроватый' (*ul'* 'сырой'), лет. *leźgem* 'синеватый' (*leź* 'синий'), вк. *rapogem* 'рановато' (< рус. *рано*) (ССКЗД: 476, Баталова 1975: 172–173).

По поводу происхождения данного пермского суффикса финно-угроведы по сей день затрудняются сказать что-либо определённое. В ОФУЯ 1976: 155 говорится, что его происхождение неясно, Ш. Чуч, со ссылкой на А. Кёвеша, довольно туманно сообщает, что это, якобы, «...первоначально был суффикс прилагательного, который произошёл от древних языковых элементов» («...war ursprünglich ein Adjektivsuffix, das sich aus uralten sprachlichen Elementen entwickelt hatte») (Csúcs 2005: 207).

Ср., однако, осетинский (иронский) суффикс *-gotaw*, указывающий на умеренную степень какого-либо качества: *ædylygotaw* 'глуповатый' (от *ædyly* 'глупый'), *sabyrgotaw* 'тихонько' (*sabyr* 'тихий') (Абаев 1959: 118). В дигорском диалекте иронскому *-gotaw* соответствует *-gon*: *bor* 'жёлтый', *borgon* 'желтоватый' (Абаев 1949: 422). Переход конечного слога или слова *-t* > *-n* в дигорском — явление типичное для этого диалекта; ср. ирон. *nom* — диг. *non* (наряду с *nom*) 'имя', ирон. *salam* — диг. *salan* 'привет' и др. (Абаев 1949: 379). По всей видимости, иронский суффикс — двусоставной (*-got* + *-aw*). Об этом свидетельствует дигорская форма суффикса, а также то обстоятельство, что в осетинском языке существует суффикс существительных, прилагательных и наречий *-aw*, который В. И. Абаев считал идентичным аффиксу уподобительного падежа (Абаев 1949: 422; Абаев 1959: 120).

Внимательный читатель может справедливо заметить, что суффиксы и другие словообразовательные морфемы при языковых контактах заимствуются, как правило, вместе с включающей их в себя лексикой, и этому следовало бы уделить отдельное внимание. На это я хочу ответить следующее. Дело в том, что данная статья мною изначально задумывалась как первая часть более обширного исследования результатов ирано-пермского языкового взаимодействия. Следующая часть этого исследования будет специально посвящена результатам данного взаимодействия в области лексики и, возможно, фразеологии.

Подводя некоторые предварительные итоги, мне хотелось бы подчеркнуть, что тема пермско-иранского взаимодействия в области фонетики и морфологии выглядит доста-

точно перспективной, а посему исследования в этом направлении вполне могут быть продолжены, т. к., по моему мнению, способны привести к интересным результатам.

Так, например, в ходе данного исследования выявляются своего рода особые отношения между пермскими, венгерским и восточноиранскими языками алано-осетинского типа (см. выше, разделы 1.1, 1.2, 2.2, 2.5). А это, вкупе с уже довольно давно зафиксированными «особыми отношениями» между венгерским и пермскими языками (см. напр. Хелимский 1982: 19–20), позволяет с известной осторожностью предполагать существование во второй половине I тыс. н.э. в Прикамье и Предуралье языкового союза, включавшего в себя прапермский, правенгерский и алано-осетинский языковые компоненты. Этот вопрос безусловно заслуживает и пока ещё только ждёт отдельного обстоятельного и развёрнутого исследования. Хотя, справедливости ради, нужно отметить, что на данное тройственное ареальное взаимодействие уже обращали внимание исследователи этнической истории Волго-Уралья (Напольских, Смирнов 2022: 622–623).

Список сокращений

ар. — арийский праязык; вв. — верхневычегодский диалект коми-зырянского языка; вк. — верхнекамское наречие/диалект коми-пермяцкого языка; вс. — верхнесысольский диалект коми-зырянского языка; венг. — венгерский язык; диал. — диалект, диалектное; диг. — дигорский диалект осетинского языка; др.-перм. — древнепермский (древнекоми-зырянский) язык; ир. — иранский праязык; ирон. — иронский диалект осетинского языка; кз. — коми-зырянский язык; кп. — коми-пермяцкий язык; кя — коми-язьвинский язык/диалект; л. — лузский говор лузско-летского диалекта коми-зырянского языка; лет. — летский говор лузско-летского диалекта коми-зырянского языка; лл. — лузско-летский диалект коми-зырянского языка; лит. — литературный язык, литературное; манс. — мансийский язык; мар. — марийский язык; напр. — например; нв. — нижневычегодский диалект коми-зырянского языка; осет. — осетинский язык; печ. — печорский диалект коми-зырянского языка; праперм. — прапермский язык, пермский праязык; праур. — пратуральский язык, уральский праязык; праФП — прафинно-пермский язык, финно-пермский праязык; праФУ — прафинно-угорский язык, финно-угорский праязык; санс. — санскрит; сев. — северное наречие удмуртского языка; скиф. — скифский язык; скр. — присыктывкарский диалект коми-зырянского языка; см. — смотрите; ср. — сравните; тж. — то же; уд. — удорский (вашско-мезенский) диалект коми-зырянского языка; удм. — удмуртский язык; фин. — финский язык; хант. — хантыйский язык; эрз. — эрзянский, эрзя-мордовский язык; эст. — эстонский язык.

Литература

- Абаев, В. И. 1949. *Осетинский язык и фольклор*. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук.
- Абаев, В. И. 1959. *Грамматический очерк осетинского языка*. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство.
- Алатырев, В. И. 1976. *Именные деривационные аффиксы. Этимология некоторых слов*. Ижевск: Ротапринт республиканской типографии Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров УАССР.
- Атаманов, М. Г. 1989. Общепермский пласт удмуртских антропонимов. *Вопросы финно-угорской ономастики*: 169–181. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО АН СССР.
- Балашпа, Й. 1951. *Венгерский язык*. Москва: Издательство иностранной литературы.
- Баталова, Р. М. 1975. *Коми-пермяцкая диалектология*. Москва: Наука.
- Белых, С. К. 2009. *Проблема распада прапермской этноязыковой общности*. Ижевск: Удмуртский госуниверситет.
- Грамматика 1962 = Перевоицков, П. Н. (ред.). *Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология*. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- Грамматика 1963 = Ахвледзани, Г. С. (ред.). *Грамматика осетинского языка. Том 1. Фонетика и морфология*. Орджоникидзе: НИИ при Совете министров Северо-Осетинской АССР.

- Камболов, Т. Т. 2006. *Очерк истории осетинского языка*. Владикавказ: Ир.
- Кельмаков, В. К. 1998. *Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография*. Ижевск: Издательство Удмуртского университета.
- КПЯ 1962 = Лыткин, В. И. (ред.). 1962. *Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология*. Кудымкар: Коми-пермяцкое книжное издательство.
- КПРС 1985 = Баталова, Р. М., А. С. Кривошекова-Гантман. 1985. *Коми-пермяцко-русский словарь*. Москва: Русский язык.
- КЭСК = Лыткин, В. И., Е. С. Гуляев. 1970. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Москва: Наука.
- Лыткин, В. И. 1975. Пермско-иранские языковые контакты. *Вопросы языкознания* 3: 84–97. Москва: Наука.
- Напольских, В. В. 2015. *Очерки по этнической истории*. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость».
- Напольских, В. В., О. В. Смирнов. 2022. Этнолингвистическая карта Поволжья в эпоху Великого переселения народов. *Археология Волго-Уралья. Том 4. Эпоха Великого переселения народов*: 610–622. Казань: Издательство АН РТ.
- ОИЯ = Расторгуева, В. С. (ред.). 1979. *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. Москва: Наука.
- ОФУЯ 1974 = Лыткин, В. И., К. Е. Майтинская, К. Редеев (ред.). *Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков*. Москва: Наука.
- ОФУЯ 1976 = Лыткин, В. И., К. Е. Майтинская, К. Редеев (ред.). *Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки*. Москва: Наука.
- Серебренников, Б. А. 1963. *Историческая морфология пермских языков*. Москва: Издательство АН СССР.
- СКЯ = Лыткин, В. И. (ред.). 1955. *Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведений. Часть первая. Фонетика, лексика, морфология*. Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- ССКЗД = Сорвачева, В. А. (ред.). 1961. *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов*. Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- УРС = Вахрушев, В. М. (ред.). 1983. *Удмуртско-русский словарь*. Москва: Русский язык.
- Хайду, П. 1985. *Уральские языки и народы*. Москва: Прогресс.
- Хелимский, Е. А. 1982. *Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (лингвистическая и этногенетическая интерпретация)*. Москва: Наука.

References

- Abaev, Vasilij. 1949. *Osetinskij jazyk i fol'klor*. Moskva — Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk.
- Abaev, Vasilij. 1959. *Grammaticheskij ocherk osetinskogo jazyka*. Ordzhonikidze: Severo-osetinskoje knizhnoje izdatel'stvo.
- Alatyrev, Vasilij. 1976. *Imennyye derivatsionnyje affixy. Etimologija nekotoryx slov*. Izhevsk: Rotaprint respublikanskoj tipografii Upravlenija po delam izdatel'stv, poligrafii i knizhnoj trgovli pri Sovete Ministrov UASSR.
- Atamanov, Mikhail 1989. Obshcheperm'skij plast udmurtskix antroponimov. *Voprosy finno-ugorskoj onomastiki*: 169–181. Izhevsk: Udmurtskij IJaL UrO RAN SSSR.
- Balassa, József 1951. *Vengerskij jazyk*. Moskva: Izdatel'stvo inostrannoju literatury.
- Batalova, Raisa 1975. *Komi-perm'atskaja dialektologija*. Moskva: Nauka.
- Belykh, Sergej. 2009. *Problema raspada prapermskoj etnojazykovoj obshchnosti*. Izhevsk: Udmurtskij gosuniversitet.
- Csúcs, Sándor 2005. *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Grammatika 1962 = Perevoshchikov, P. N. (ed.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo jazyka. Fonetika i morfologija*. Izhevsk: Udmurtskoje knizhnoje izdatel'stvo.
- Grammatika 1963 = Akhvefiani, G. S. (ed.). *Grammatika osetinskogo jazyka. Tom I. Fonetika i morfologija*. Ordzhonikidze: NII pri Sovete Ministrov Osetinskoj ASSR.
- Hajdu, P. 1985. *Ural'skije jazyki i narody*. Moskva: Progress.
- Helimskij, E. A. 1982. *Drevnejshije vengersko-samodij'skije jazykovye paralleli (lingvisticheskaja i etnogeneticheskaja interpretatsija)*. Moskva: Nauka.
- Joki, Aulis J. 1973. Uralier und Indogermanen. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 151*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Kambolov, Tamerlan. 2006. *Ocherk istorii osetinskogo jazyka*. Vladikavkaz: Ir.
- Kel'makov, Valej. 1998. *Kratkij kurs udmurtskoj dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologija. Dialektnye teksty. Bibliografija*. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta.

- KpJa = Lytkin, Vasilij (ed.). 1962. *Komi-permiatskij jazyk. Vvedenie. Fonetika, leksika, morfologija*. Kudymkar: Komi-perm'atskoje knizhnoje izdatel'stvo.
- KPRS = Batalova, R. M., A. S. Krivoshechekova-Gantman. 1985. *Komi-perm'atsko-russkij slovar'*. Moskva: Russkij jazyk.
- KESK = Lytkin, V. I., E. S. Guliajev. 1970. *Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka*. Moskva: Nauka.
- Lytkin, Vasilij. 1975. Permско-иранские языковые контакты. *Voprosy jazykoznaniya* 3: 84–97. Moskva: Nauka.
- Napol'skikh, Vladimir. 2015. *Očerki po etničeskoj istorii. Kazan'*: Izdatel'skij dom "Kazanskaja nedvizhimost'".
- Napol'skikh, Vladimir, Oleg Smirnov. 2022. Etnolingvističeskaja karta Povolzhja v epokhu Velikogo pereselenija narodov. *Arxeologija Volgo-Uralja. Tom 4. Epoxa Velikogo pereselenija narodov*: 610–622. Kazan': Izdatel'stvo AN RT.
- OIJa = Rastorgujeva, V. S. (ed.). 1979. *Osnovy iranskogo jazykoznaniya. Drevneiranskije jazyki*. Moskva: Nauka.
- OFUJa 1974 = Lytkin, V. I., K. E. Majtinskaja, K. Redei (eds.). *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznaniya. Voprosy proisxozhdenija i razvitija finno-ugorskix jazykov*. Moskva: Nauka.
- OFUJa 1976 = Lytkin, V. I., K. E. Majtinskaja, K. Redei (eds.) *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznaniya. Marijskij, perm'skije i ugorskije jazyki*. Moskva: Nauka.
- Rédei, Károly 1964. Vannak-e az előmagyar-permi érintkezésnek nyelvi nyomai? *Nyelvtudományi Közlemények* 66: 253–261. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Rédei, Károly 1986. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. *Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klassen. Sitzungsberichte*, 468. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften,
- Serebrennikov, B. A. 1963. *Istoricheskaja morfologija permskix jazykov*. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR.
- SKJa = Lytkin, V. I. (ed.). 1955. *Sovremennij komi jazyk. Učebnik dlja vysshix učebyx zavedenij. Čast' pervaja. Fonetika. leksika, morfologija*. Syktyvkar: Komi knizhnoje izdatel'stvo.
- SSKZD = Sorvacheva, V. A. (ed.) 1961. *Sravnitel'nyj slovar' komi-zyrianskix dialektov*. Syktyvkar: Komi knizhnoje izdatel'stvo.
- UEW = Rédei, Karoi. 1988–1991. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band I–III*. Budapest/Wiesbaden: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- URS = Vakhrushev, V. M. (ed.). 1983. *Udmursko-russkij slovar'*. Moskva: Russkij jazyk.

Sergey Belykh. Permic-Iranian language contacts according to phonetics and morphology of the Udmurt and Komi languages

In this paper I discuss some results of the Iranian linguistic influence on the Permic branch languages of the Finno-Ugric group of the Uralic language family — Udmurt, Komi-Zyryan and Komi-Permyak. Unlike works by researchers of the long and recent past, the emphasis in the article is not on the lexical fund of these languages, but on their phonetic and morphological systems.

Keywords: Iranian languages; Scythian language; Ossetian language; Finno-Ugric languages; Permian languages; Udmurt language; Komi-Zyryan language; Komi-Permyak language; phonetics; morphology; historical linguistics; ethnic history.